

Татьяна
Михайловская

СНЕЖНОЕ
НЕЖНОЕ

Стихотворения разных лет

Москва
2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
М69

**М69 Татьяна Михайловская. Снежное нежное.
Стихи разных лет. – М.: Издательство “Перо”,
2022. – 64 с.**

ISBN 978-5-00189-991-4

Стихотворения новой книги московской писательницы Татьяны Михайловской объединены общей зимней темой. Снежные городские пейзажи соседствуют с холодными лесами и заснеженными горами. Зима, снег – это не черты российского климата, а состояние души. Слитность поэтических образов в соответствии с разнообразием картин суровой природы – особенность лирики Т. Михайловской, в полной мере проявленная в этой книге, название которой говорит само за себя.

В оформлении обложки использованы фотография Левона Осепяна – на 1-й странице и фотография Валерия Сафранского – на 4-й странице.

ББК 84(2Рос=Рус)-5

- © Михайловская Т.Г., 2022
- © Осепян Л.О., фотография, 2022
- © Сафранский В.Я., фотография, 2022

*

Снег ген нег

Гроза явилась в декабре,
нежданная-негаданная гостья,
она ударила со злостью
по спящим крышам в серебре.

Вся в тучах, в город ворвалась,
на тёмных стёклах просверкала —
кого, кого она искала,
свою показывая власть?

Наверно, тайному врагу
был ею этот вызов брошен,
мол, твой закон никем не прошен,
а я, природа, всё могу!

Я разрываю связь времён,
я запускаю в ход светила,
смотри, как небо осветила,
смотри, как воздух накалён!

Но вдруг она, порядок дней
забыв, слезами разразилась
и в дождь печально погрузилась...
А я стояла рядом с ней.

Зимняя радость — чистый снег,
ныряет в сугробы весёлая лайка.
Прохожие удивляются,
говорят: «Смотри, собаке нравится!»
Мне завидно, думаю, дай-ка
и я нырну в снег — и ныряю во сне.
Просыпаюсь наутро, спокойная, нежная...
Здравствуй, зима снежная!

Зимы редкой красоты
выпадают нам на радость,
снег — мерило чистоты —
заметает жизни гадость,
засыпает дикий бред,
тот, что в голове гнездится
и сугробом громоздится
посреди обид и бед.

Город изогнул хребет,
пар дыхания струится —

белая большая птица...

На снегу кольцо чертила —
ворошила белый мех,
у меня любовь гостила,
я была счастливей всех.

Вдаль глядела — усмехалась,
поводила лишь плечом,
никого я не боялась,
не жалела ни о чем.

И метель меня кружила,
возносила выше туч,
и бежала кровь по жилам,
как в мороз горячий ключ.

Но весной, чуть потеплело,
гостя, фортку распахнув,
«Ну, спасибо, что согрела», —
в миг исчезла, упорхнув.

У неё весной работа:
реки вскрыть, зажечь снега,
птиц принять из перелёта,
травы высеять в луга.

Всем найти гнездо и пару,
присушить, приворожить,
будь ты хилый или старый,
силу дать, чтоб снова жить...

Только мне весна – пустыня.
Разглядеть цветы нагнусь –
может, это нежный иней?..
Вспомню зиму – улыбнусь.

По первому снегу, лёгкому, чистому,
листая на бегу минувшую неделю ноября,
зря
спешу беспечно
навстречу любви
невечной,
забытой в далёком прошлом,
словно неведший сон...
Зачем она мне, метельная, вьюжная?
Сверну с пути,
и пусть мои следы замрут, оледенев.

Белое на белом.

Чёрное на чёрном.

Белое на чёрном.

Чёрное на белом.

Четыре версии зимы.

Перебираю их, пытаюсь угадать:

которую увижу я теперь?

СНЕГ ВЫПАЛ

Прекрасен мир, как в первый день творенья...

Лёг снег на чистые поля,
и на кусты, на тополя,
и на моё стихотворенье.

Прекрасен мир, как в первый день творенья...

Ворона завела игру:
сидит на ветке, на ветру —
ей тоже хочется паренья.

Прекрасен мир, как в первый день творенья...

На санках катит детвора,
бегут, галдят, кричат «Ура!» —
вот счастье в детском измеренье.

Прекрасен мир, как в первый день творенья...

В закуте сука, скрыв щенков,
дрожит от ранних холодов,
в глазах её — печаль смиренья...

Прекрасен мир, как в первый день творенья...

В самое тёмное время в году
я выхожу на окраину ночи
и говорю вверх сердито: «Короче,
лучше светите, не то упаду.
Лучше усильте сияние крыл,
музыку сфер, как хотите, играйте.
Главное – трубы до блеска надрайте,
свет поднебесный чтобы здесь был».

В полночь метели густая завеса
вдруг раздвигается силою слов,
и над дорогой и в иное лесом
всходят светила из снежных оков.
Гаснут слепящие фары и свечи,
тускло мерцает ничтожный фонарь –
мглою земною мой глаз искалечен...
Свет посылает далёкий ключарь.

Чудно и славно, спасибо, родные, –
то ли танцую, то ли пою
песню небесную, то ли свою,
только слова в ней все же иные:
непостижимо – горят, как огонь,
тают, как лёд, и летят, как молитва.
Тёмное время, жестокая битва.
Засветло я ухожу от погонь.

Каждый день одно и то же —
мне смотреть на эти рожи,
слушать модную солистку...
Эти танцы в стиле «диско»
за последних две недели
мне до смерти надоели!

Вот бы друг приехал старый,
мы бы спели под гитару
про весёлую метель,
про пуховую постель.
Как по этой по метели
двое саночек летели,
милый к ней, она — к нему,
из Твери да в Кострому!

Но давно молчит гитара,
нету больше дружбы старой,
всюду скука и уют...
Нынче песен не поют
про весёлую метель,
про пуховую постель
и про то, как по метели
двое саночек летели,
он — туда, она — сюда...
Разлетелись навсегда!

Времена теперь другие...
Пляшут девушки нагие,
разрисованное тело
изгибается умело.
С ними дядька Черномор,
на груди его узор —
все знакомые слова,
и обрита голова,
руки тянутся до драки...
Тонет мир в полночном мраке,
из-под неба хладных век
кружит-вьюжит белый снег.
Разудалая зима
посводила всех с ума.

.....

А в углу картины свет —
это ты. Меня там нет.

Ау! Отзовись, юность моя в снегу!
По зимней дороге бегу и бегу,
а тройка по звёздам летит надо мной,
над прошлой и будущей жизнью земной.
Заснежены русла спелёнутых рек,
и я – имярек, имярек, имярек...

Алмазные грани сверкающих круч...
И месяц блестит серебром из-за туч,
глядит на меня, а я на него.
«Проси», – говорит. «Просить за кого?»
«За тех, кто покинул ваш горестный мир».
«Им только мир, только мир, только мир...»

Из цикла «БЕЛЫЙ ГОРИЗОНТ»

МОТИВ ЗИМЫ

Мотив зимы, печально-нежный,
как тихо падающий снег,
как старый-старый человек,
себя забывший в жизни прежней.
Мотив невольный, в ля миноре,
когда и плакать не велят,
и гаснет законный взгляд
больной, лежащей в коридоре, –
во мне звучит, не умолкает!
Поёт ли, ноет – не пойму...
Но не признаюсь никому,
за что меня он упрекает.
Виною давнею виновна,
и новых туч наволокло...
До горизонта все бело...
Зима приходит безусловно.

БОЛЬНИЧНЫЙ ДВОР

Больничный двор – аллеи, клумбы...
Но это летом, а зимой –
ворот некрашенные тумбы,
и в дальний флигель путь прямой
по снегу белому протоптан,
ведь на неделе нету дня,

чтоб не стоял готовый гроб там
и не рыдала бы родня.
Туда стремится взгляд печальный...
В окне смеётся медсестра —
чему? А рядом кто? Начальник?
Идёт бессмертная игра.
В неё играть, не чуя страха,
намного проще, чем в лото...
А вон обед везёт деваха
без рукавиц и без пальто.
Что холод ей! Жуёт, знай, булку,
вся как свекольный винегрет!
Кончай, инфарктники, прогулку,
по расписанию — обед.

И словно дворник, вышел ветер,
связал метлу из бороды
и мёл до крыш, и тех, и этих
ровняя белые следы.

Идёт хирург в дурацком колпаке.
Халат его забрызган свежей кровью,
такие ж капли у него над бровью,
на лбу и слева на виске.

Он сделал всё, что только сделать мог.
В руках несёт историю болезни —
на свете нет истории полезней
для тех, кому он царь и Бог.

Вот этой женщине, что молча ждёт,
ответа ждёт, жива — и неживая...
Увы, чудес на свете не бывает.
Он скажет правду. Нет, солжёт.

Нет, скажет правду! Мать, жена, сестра?
Не верить в смерть — вот женская природа!
А ведь до отпуска ещё полгода...
Пора бросать курить... Пора.

ЗИМНЯЯ МОЛИТВА

Зима приходит в докторском халате,
спокойная и строгая на вид,
по улицам идёт, как по палате,
ни на кого особо не глядит.

Но слышит всё — от хрипа и до вздоха,
от крика «Пропадите, вашу мать!»
до шёпота «Мне, доктор, очень плохо...»,
до тишины, что может лишь молчать...

Зима, трудись! Работы нынче много:
кому помочь, кого спасти,
и если отобрать нельзя у Бога,
закрывать глаза для долгого пути.

Послать мороз, чтоб слезы поостыли,
пустить метель, чтоб заметала след...
О сколько их, которые здесь были!
Теперь нигде, нигде их больше нет!..

Мне эта мысль огнём горящим жжётся,
когтями злыми раздирает грудь,
в мозгу, как муха в паутине, бьётся...
Зима, прошу, придумай что-нибудь!

Изобрети лекарство или средство,
свари питьё иль в ступе истолки —
но тех, кого люблю, от бедствий
убереги, от боли и тоски...

Хочу я, чтоб с обычным разговором
обычный вечер мог бы плыть и плыть
в пространстве, не подвластном взору...
О, будьте! Как прекрасно быть!

ГРУСТНЫЕ МЫСЛИ ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Все вокруг опять больны...
Эти чёртовы хворобы!
Раки, вирусы, микробы
поедают тело с кровью.
От болезни до здоровья —
как отсюда до Луны.

Медицина не причём.
В нашем хилом поколеньи
много жадности и лени,
к тридцати годам жиреем,
к сорока совсем дуреем,
чёрте что едим и пьём.

Или мы зашли в тупик?
Атмосфера виновата?
Дымновата? Грязновата?
А химические реки
отравили в человеке
то, что он трудом достиг?

Алгоритм не ремесло.
Информации два бита,
а башка, глядишь, забита.
Может, завтра помаленьку
вновь пойдём на четвереньках —
думать тоже тяжело...

Ох, метель! Судьбе под стать!
Снег летит, и снег кружится,
и на землю не ложится...
Я вперёд гляжу несмело —
горизонт весь белый-белый,
дальше — глазом не видать.

Душа болит. Но где она?
В какой крови растворена?
Кто мне об этом скажет?
Душа не вирус, не микроб,
её анализ не покажет,
её не видно в микроскоп.
Она молекула иль атом?
Субстанция иль существо?
Но сам патологоанатом

о ней не знает ничего.
А может быть, душа есть нервы?
Или заряд, что бьёт по ним?
А вдруг в сугробе затаилась стерва
и биополем кормится моим?
Не я — во мне всё плачет и вздыхает!
С утра не мил мне белый свет...
Ах, доктор, хуже не бывает —
душа болит, поскольку её нет.

ПЛАЧ ПО ЗИМЕ

Ой, не по весне-младости,
не по лету-солнышку,
не по сытной осени —
ой, по зиме-матушке
плачу я, убиваюся.
Ты моя родимая, хорошая,
в один дён почернела, истаяла,
руки белые на груди лежат
без работы, без всякой заботушки...
На кого ты меня оставила?
Кто остудит мою буйную голову?
Кто уймёт с лица слёзы жгучие?
Кто поутру мой сад приберёт, заметёт,
ковром-серебром выстелет?
А как вечер придёт, кто душу мою
песней-вьюгою уколышит?..
Ты кому была ведьмой-мачехой,
морозила да морочила,
а мне была зимой-зимушкой,

во всех делах — подмогою,
во всех бедах — советчицей,
советчицей да утешницей.
Без тебя, мой свет,
как в глухом лесу,
я осталась одна-одинёшенька...

Ой, не рада я весне-младости,
не хочу знать лета-солнышка,
и не надо мне сытной осени —
вернись, вернись, зима-матушка!

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Я в белом халате и в шапочке белой,
мне лет девятнадцать, и взгляд мой суров.
Из вот таких же тетёх неумелых
и делает вуз докторов.

Но мне ненавистна профессия эта,
я чую больничную ложь за версту,
когда назначают уколы, диету
тому, кто глядит в пустоту...

Я слышу, как бьётся легко и ритмично
надёжно укрытое сердце врача, —
ему ведь не больно, ему безразлично.
Идёт, каблуками стуча.

Для темы научной ему обеспечен
большой материал из людей и собак...

О, господи боже, ну разве так лечат?
Не знаю, но верю – не так.

А главный наставник мой нянечка Фрося
командует мне: «Я покуда посплю,
ты суднышко дай им, коль очень попросят,
и с клизмы бери по рублю».

Бескровные лица плывут на каталках...
И я вымываю и кровь, и говно.
Не стыдно, не страшно – мне жалко, мне жалко!
А все здесь привыкли давно.

.....

И скоро я с белым халатом рассталась.
От шапки лишь метой морщина на лбу...
Полжизни прожив, лишь теперь догадалась,
что я примеряла судьбу.

Снег молодой, ещё зелёный
от несклонившейся травы.
Проходят кошки, точно львы,
и виден след их округлённый.

Бедная бедная Лиза
в белом платье
утопилась в пруду
теперь босая бредёт по шпалам
в Петербург
чтоб утопиться и там
в Зимней канавке.

Снег не тает на её волосах
пальцы сосульки
мнут ледяную фату
точно парус наполнит её
ветер с Невы
и поплывёт бедная Лиза
в реку в море в океан.

А пока что босая она
бредёт по шпалам
в белом платье
проклиная Эраста, Германна
и ещё кого-то
не известного мне
снежного духа шута кавалера.

А этот снежный дух
летит за ней
позёмкой вьюгой
засыпая замечая стирая
неземные знаки
бесследно исчезающей
среди змей шпал бедной Лизы.

Смерть на твоём блистательном пути
как снежное торнадо —
не обойти,
как смытый половодьем мост —
не перейти,
как молнии зигзаг —
не отвести.
И меркнет путь твой, исчезая.

Ночь, ночь, ночь...

Тишь, тишь, тишь...

Снег, снег, снег...

Спишь, спишь, спишь...

Любима? Да что там любима!
Какая погода с утра?
Вон снег, пролетающий мимо
за мутным окном... И пора.
Пора холодам и метелям.
Из осени в зиму — скачок,
осталась, быть может, неделя,
недолго, всего пустячок —
осталось мне просто очнуться
и, шар замотав на бегу,
впервые не оглянуться
на тень твою в белом снегу.

Опять зима как хризантема...

Что значит «опять»?

«О, пять!»?

Почему пять, а не семь,
волшебное число превращений
жизни в смерть и вспять?

Или, может, «Оп! Ять!»?

Ну, яти давно в изъятии,
и оп – это гоп,

оторвавшийся от гопака.

Топ мягкими сапожками,
каблучками топ!

Лепит лепет иньшая мова,

точно снег,

точно лепестки,

точно белая хризантема...

В белой шубе ель,
в белой шапке куст.
Улеглась метель,
дремлет сад без чувств.

Яблоня, ты спишь?
Пусть уж до весны
снятся тебе лишь
яблочные сны...

Дай же Бог и мне
после бурь и бед
увидать в окне
яблоневого цвет.

День прибавился. Солнце – на лето,
зима – на мороз. Щёку потри.

А вот снегири:

в пространстве белого света
капли зари.

Слышу, под снегом ожил родник, –
дело к весне...

Не ожил, а разговорился во сне.

И лучше поднять воротник.

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Зима, мой друг! Таинственное время года –
на всём покров лежит, всё скрыто, смягчено...
Холмом покажется и старая колода –
не сразу под ногой почувствуешь бревно.
Сон будто смерть, но исподволь жива природа,
тая в груди волшебное зерно.

Но вдруг оно не прорастёт в свой час и сгинет,
раздавленное сапогом свинцовых туч?
Навеки стёкла оплетёт морозный иней,
и город превратится в цепи снежных круч,
и ветер заскользит по льду наклонных линий?..
Больная мысль, не мучь меня, не мучь!

Пускай метёт – на лето солнце повернуло!
Порядок в мирозданье все же есть пока.
Пока? Увы, людскую дурь, как пену, вздуло,
и понесло её со скоростью плевка...
И вот уже из непроглядного загула
грозит звездам похабная рука.

Прощай, мой друг! Мы свидимся нескоро,
далёкий зимний путь меня уводит прочь
от коллективного не разума, а вздора...
Я прибавляю шаг, судьбы престрогой дочь,
смотрю вперёд уже без боли и укора –
вот вспыхнет утро и растает ночь.

ПЕСНЯ

Русский дао – зимний путь
по рекам ледяным,
по берегам застылым,
сквозь леса безмолвную чащу –
кто одолеет его?
Сам чёрт ногу сломит!
И только ямщик на усталой тройке
везёт непонятную весть
в белое пространство...
Поёт, но слов не разобрать.

ОТТЕПЕЛЬ

Среди зимы такое небо,
как будто наступает март!
И снег январский будто не был,
в душе – беспечность и азарт.

Легко дышать! И с уст, оттаяв,
спорхнув, подобно воробью,
несётся песенка простая:
не забываю и люблю!..

Мы слишком связаны с природой,
во всём мы с нею заодно –
её любое время года
в крови у нас растворено.

Её капризы – нам законы,
её законы – нам юдоль.
И сердце бьётся учащённо,
в себя вбирая эту боль.

Но мы кромсаем наше тело
и мнём природу, точно воск.
Нам не поставлено предела –
мы моделируем свой мозг.

Так, может, мы – её стихия?
Как буря, снег или туман,
как жаркие пески сухие,
в которых тонет караван?..

Но есть иная точка зренья:
природа сочиняет нас
в слепом порыве вдохновенья,
как фантастический рассказ!

Давно мне пишут из Сибири,
давно Москву я собираюсь бросить.
Тулуп занять, покрепче и пошире,
да валенки подшить — и в путь! Вдоль просек,
по вырубкам, по старым большакам,
вдогон завьюженным векам.

Ау, в семнадцатом столетье!
Что там у вас? Опять неразбериха?
Уж наготове топоры и плети!
Тишайший царь, а все вокруг не тихо:
высоко стал московский патриарх,
но не за совесть, а за страх.

Он грекам в пояс поклонился,
а вы в ответ на книжную науку
гражданскую войну? Коль взбеленился,
целуй же, поп, отрубленную руку!
Эх, дурачье, ведь следом кто придёт,
тот в ноги фрягам упадёт.

Уж он не будет к вам добрее,
голов слетит не счесть, несите плахи!
Одних обреет, а других забреет,
все пропадут — стрельцы, купцы, монахи...
А ты, мужик, ты, прах земли, молчи,
беги в Сибирь, как тать в ночи.

Беги на запад и на север,
Псалтырь и хлеб в суме — не будешь нищим.
Спасай свой род, живи в крестьянской вере,
тогда сам просветитель их Татищев
и розгами тебя не просветит,
и грамотой не убедит...

История — белее снега,
глаза слепит — так много белых пятен.
Гремит по небу звёздная Телега,
и путь её суров и всем понятен.
Пора и мне, что время тратить зря...
Жаль только, нет поводья.

Снег идёт в Москве, снег...
Снежинки во сне все с личиками –
птичками бровки, весёлые глазки,
сказки рассказывают о своей отчизне,
о жизни за Полярным кругом во льдах,
о судах, навеки застывших в торосах,
о матросе, уснувшем на палубе белой
с обгорелой фотографией на груди...

«Уйди, – говорю я наутро, –
страшный сон, уйди...
я не хочу тебя смотреть...»
И он уходит
до следующей ночи.

Снежок, снежок, белый дружок,
холодный дар, катаю шар,
ещё один, ещё – и миг:
возник весёлый снеговик,
смешная детская игра
былого зимнего двора...

.....

Своей властью королевы в изгнании
прекращаю воспоминания.

Хрустальные цветы зимы
имени мадам Ар-Деко
далеко уводят мои мысли...
Смысла нет заглядывать в окно,
оно занавешено инеем будущего,
растущего из-под земли.
Литос взлетает алмазно,
разом соединяя разум и звёздную пыль.

На ладони тает снежинка,
на сердце она замерзает вновь.
Легко жить, когда в груди лёд.

Зимой спокойно жить —
снег душу охлаждает,
позёмки белой нить
от резкой боли ограждает
и тайную уверенность даёт,
что всё когда-нибудь пройдёт.

ПОСЛЕ НАПИСАНИЯ КНИГИ

Старый японец возник предо мной.

Долго смотрел на меня

и после задал мне три вопроса:

– Не снится ли тебе, госпожа, снег на горе Фудзи?

– Не снится ли тебе, госпожа, цветущая вишня?

– Не снится ли тебе, госпожа, шёлковый пояс?

– Нет, – отвечала я,

стараясь смягчить своё "нет" улыбкой. –

Нет никого в моем роду

благословенного богиней Аматаэрасу.

– Значит, первая – ты.

И старик поклонился мне в пояс.

А я задумалась.

Нет снега на Москве...
Холодный дождь колотит в окна,
и туч набухшие волокна
смывают иней на траве.

Висит над людом серый зонт,
осенний мусор в кучи сгрёбан,
вставные зубы небоскрёбов
кусают мутный горизонт.

Столица, старая карга,
что хочет нравиться мужчинам,
кладёт румяна на морщины,
а в сердце зависть и нудьга.

Приникнув к мокрому окну,
она красуется, вся в блестках.
Лишь светофор на перекрёстках
рвёт дождевую пелену...

Я возвращаюсь в снег, в метель,
в толчки, тычки, к чужим делам,
сверлящим мозг мой, точно дрель,
к чему-то с чем-то пополам.

Мотив зимы холодный, нежный
бубенчик дальний так звенит —
и тонет в пелене безбрежной,
откуда манит, как магнит.

В саму себя я превращаюсь,
секунда — день, минута — год.
Я в прошлое не возвращаюсь —
оно встречает у ворот.

Люди с гаджетами ходят,
с гадами ползучими.
А зима узор наводит
в сердце перекрученном.

Люди в гаджетах читают
новости поддельные.
А зима в полях латает
простыни метельные.

Люди с гаджетами — люди?
Иль товар подержанный?
А зима на белом блюде
дарит свет отверженным.

Снежное море — Московское море.
Здесь обитал магалодон
в тысячу тонн —
умер? вымер? замер?
Вдруг оживёт? Снегом собьёт?
Миллион историй
тонут в споре...

А снег летит волна за волной,
снежная буря своей пеленой
покрывает всё острое, жёсткое,
обнимает море Московское...

И снег, и свет —
он белый, белый,
взойдёт луна
и всё посеребрит.

Ещё зима... Без мысли, без движенья,
как белый снежный ком,
лежит Кусковский парк.
И в ледяном плену моё воображенье,
не помню ни о ком!
И вздох мой – просто пар.

Ещё зима... Темнеет нынче рано,
и день за днём летит
один и тот же день...
Прошёл Никола зимний и Татьяна...
Нет, хоть озолоти -
так в гости ездить лень!

Ещё зима... И до весны нескоро.
Как спячки злой недуг,
меня сковал мороз.
Пустые небеса, пустые разговоры,
шагов скрипучий звук,
и свет, и тень берёз...

Снег во сне...

Летит весёлая снежинка –
подружка Кеплера летит,
как мышка белая, шуршит.

И небо в звёздах пропадает
за снежно-белой кутерьмой,
а спящий разум всё гадает:
ведёт ли Млечный Путь домой?..

Домик двухэтажный,
деревянное крылечко,
за окном котяра важный
и тёплая печка.

Кто же в прошлом веке
жил здесь? Не знаю.
Люди-человеки?
Но жизнь их иная.

Сизый дым струится
в облачные выси,
детские лица,
взрослые мысли.

Ледяная горка
в полуночной раме.
Ох, смотрит зорко
луна за нами.

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Всё сказано давно. Не стойте у окна.
Там город, словно сердце на ладони,
в мерцающих дрожащих жилках сна,
и я боюсь, что вдруг его уронят.
И брызнут на меня со всех сторон
осколки крыш, дверей, ступеней...
И разлетится этот хрупкий сон
на тыщу мелких сновидений...
Не Вами и не мной – всё сказано за нас
лиловой тишиной и тучей низкой,
и сказано до боли без прикрас...
Не стойте у окна так близко!
Два дыма из трубы, как две змеи
заворожённые, колеблются и вьются,
и кажется, что миг – и музыка земли
и музыка небесная сольются...

КОНИ

Давным-давно их след простыл,
а тройка всё ещё летит!
По снегу мчится удалая!
И колокольчик, звонок и уныл,
без устали качается, звенит,
равнину этим звоном оглашая.
До края света – не длинней,
дорога дальняя... Держись!
Ухаб, сугробы, с ходу с кручи!
Перемешалось всё – и храп коней,
и снег, и плач, и песнь, и свист,
и кто седок там, и кто кучер...
Из прежних сумасшедших зим,
из прошлых пропылённых лет,
из пения ямщицкого лихого –
горячий коренник и пристяжные с ним,
ах, пронеслись! Впечатав след –
горит не месяц, а подкова!

ЗАМОСКВОРЕЦКИЕ СНЫ

Ах, бей в доску,
поминай Москву!

Старинная плясовая

Что снится на моём окне лимонному цветку,
когда за стёклами двойными ветер плачет,
и грустный снег летит под фонарём,
и тени на стене узор неясный ткут,
и спит земля, свернувшись, как в калачик,
и даже я устало засыпаю к трём?..

Как у моста Малокаменного
стояла я, точно каменная,
слезы капали из глаз —
расставалась в первый раз.

То ли в петлю, то ли в омут,
то ли в реку с головой?..
— «Что ты, девка! Ну, кулёма!
Погоди, не плачь!.. Пстой!

Слишком сердцу потекаешь,
разошлись — не вы одни,
эка невидаль какая!
Даже глазом не моргни!

Улыбнись, гляди нестрога,
хоть частушку созоришь,
мол, туда тебе дорога,
есть и лучше...» —
дальше в рифму.

В белом фартуке толстуха,
фартук весь набит деньгой,
в крик, без голоса, без слуха,
пела, топая ногой:

«В сундучок с мороженым
счастье не положено.
Мужики, как черти,
никому не верьте.

Валенки с галошами,
прощай, моя хорошая!
Ой, девка бедовая,
голова садовая!..»

.....

Как у моста Малокаменного
стояла я, точно каменная,
позабыв свою печаль —
мне толстуху было жаль.

Снова слышу голос твой,
молодой и нежный,
за рекою за Москвой,
за метелью снежной.

Будто стаю били влёт,
кружатся снежинки,
чисто-начисто метёт
по Большой Ордынке.

Знаю песню наизусть,
ту, что за окошком,
если я и рассержусь,
только понарошку.

Разве можно так страдать?
Чур, тебе запнуться!
До любви рукой подать,
жаль, не дотянуться.

На гитаре белый бант,
в сердце – жар и смелость.
Ах, какой же был талант!
И куда всё делось...

И пустынно, и темно –
за Полярным кругом
камнем канул ты на дно...
Нету больше друга.

Лишь по-прежнему живой,
за метелью снежной
всё звучит мне голос твой,
молодой и нежный.

Замело Замоскворечье
аж до самых окон.
В доме жарко топят печи.
Вьётся дым, как локон.

Смех и топот, звон гитары,
в комнатушке тесно —
женит внука дворник старый.
Очень интересно.

Вот невеста с длинной чёлкой,
рядом с ней подружка.
Вот жених — моряк с наколкой,
сватья вот пьянчужка.

Кто поёт, а кто икает.
Бойкая соседка
так соседа завлекает,
что трещит кушетка.

Пляшут ряженые бабы
и столяр с гармошкой —
кабы нам с тобой да кабы,
да ещё немножко!..

Я мигаю, как спросонок:
«Что невеста плачет?»
Я совсем ещё ребёнок —
это взгляд твой значит.

Синий-синий, точно искра,
а кругом ведь люди!
Слишком близко, слишком быстро...
Что же дальше будет?

Дальше – скрипнула ступенька,
вся заледенела.
Подожди, постой маленько –
сердце онемело.

Спит в снегах Замоскворечье,
звезды как алмазы...
Повторится ль этот вечер?
Никогда! Ни разу!

Жить на Житной, гулять по Полянке
в пёстрой шали с узорной каймой
на свиданья спешить к Якиманке –
это значит вернуться домой.

Это значит из омота странствий
выплыть, вынырнуть в мощном броске,
белой лилии – знак постоянства –
донный стебель сжимая в руке.

А меня здесь и ждать перестали,
и не светятся окна мои...
Здравствуй, родина первой печали!
Здравствуй, вотчина первой любви!

Ты всё та же и сердцем, и с виду,
всё как прежде, куда ни взгляну.
Глушат водку твои инвалиды,
а мальчишки играют в войну.

Не коснулись тебя перемены:
липы, дворики, тишь, домино,
газировки шипучая пена
на углу у афиши кино.

Дворник улицу драит и чистит,
шарк метлы – самый утренний звук,
а когда осыпаются листья,
он сметает их в медный сундук.

Чинит обувь безногий сапожник,
и поёт, и стучит в мастерской,
но гражданки смеются безбожно
над его музыкальной тоской...

.....

Как картину в багетовой раме,
уношу я свой дом и свой сад...
Я иду проходными дворами
лет пятнадцать и больше назад.

Снежное нежное меня обнимает,
поднимает в алмазную высь,
мысль мою прижимает к земле,
Млечной Дороги уже не видать,
не угадать в лунном сиянье...
Инь-ян вечный поток...

СОДЕРЖАНИЕ

«Снег ген нег...»	3
«Гроза явилась в декабре...»	4
«Зимняя радость – чистый снег...»	5
«Зимы редкой красоты...»	6
«На снегу кольцо чертила...»	7
«По первому снегу, лёгкому, чистому...»	9
«Белое на белом...»	10
Снег выпал	11
«В самое тёмное время в году...»	12
«Каждый день одно и тоже...»	13
«Времена теперь другие...»	14
«Ау! Отзовись, юность моя в снегу!..»	15

Из цикла “БЕЛЫЙ ГОРИЗОНТ”

Мотив зимы	16
Больничный двор.....	16
«Идёт хирург в дурацком колпаке...»	17
Зимняя молитва	18
Грустные мысли по дороге домой	19
«Душа болит. Но где она?..»	20
Плач по зиме	21
Старая фотография.....	22
«Снег молодой, ещё зелёный..»	24
«Бедная бедная Лиза...»	25
«Смерть на твоём блистательном пути...»	26
«Ночь, ночь, ночь...»	27
«Любима? Да что там любима!..»	28
«Опять зима как хризантема...»	29

«В белой шубе ель...»	30
«День прибавился. Солнце – на лето...»	31
Зимняя элегия	32
Песня.....	33
Оттепель	34
«Давно мне пишут из Сибири...»	36
«Снег идёт в Москве, снег...»	38
«Снежок, снежок, белый дружок...»	39
«Хрустальные цветы зимы...»	40
«На ладони тает снежинка...»	41
«Зимой спокойно жить...»	42
После написания книги	43
«Нет снега на Москве...»	44
«Я возвращаюсь в снег, в метель...»	45
«Люди с гаджетами ходят...»	46
«Снежное море – Московское море...»	47
«И снег, и свет...»	48
«Ещё зима... Без мыслей, без движенья...»	49
«Снег во сне...»	50
«Домик двухэтажный...»	51
Городской романс.....	52
Кони.....	53
 Из цикла “ЗАМОСКВОРЕЦКИЕ СНЫ”	
«Что снится на моём окне лимонному цветку?..»	54
«Как у моста Малокаменного...»	54
«Снова слышу голос твой...»	55
«Замело Замоскворечье...»	57
«Жить на Житной, гулять по Полянке...»	59
«Снежное нежное меня обнимает...»	60
Коротко об авторе	63

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Михайловская Татьяна – поэт, прозаик, литературный критик.

Сборники стихов: «Вечерний свет» (1982), «Солнечное сплетение» (1995), «То есть» (совместно с Р. Элининым, 1998), «Парад-алле» (2005), «Отражения в воде» (2009), «Земные времена» (2011); сборник рассказов «Ерундопель и другие...» (2009), роман «Дама у окна» (2017).

Публикации в отечественной и зарубежной периодике: альманахе «Черновик», журналах «Меценат и Мир», «Нева», «Крещатик», «Арион», «Арагаст», «Кукумбер», «АКТ», газете «Русская мысль», в различных антологиях и сборниках.

Автор выставочного проекта «Дом со стихами» (выставки в Государственном музее В.В. Маяковского (2001), в Государственном музее декоративно-прикладного искусства (2006)).

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

ISBN 978-5-00189-991-4

Компьютерная верстка – Осепян Л.О.
Корректор – Морозова Л.Н.

Сдано в набор 4.01.2022.
Подписано в печать 22.01.2022. Заказ № 121.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16. Объем 4 п.л.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «Перо»
г. Москва, ул. Нижегородская, д. 29, к. 33, стр. 27.